

НАСТОЯЩИЙ ПАСПОРТ

Из очерков, поступивших на конкурс

Давно закончились занятия в седьмом классе Первоцегемской школы, а дети все еще не расходились по домам: классный руководитель знакомил их с содержанием пьесы, которую участники драматического кружка должны были показать на клубной сцене. Наперебой ребята и девочки выбирали любившиеся им роли и только одну — роль девушки Хуж — никто не вызвался играть.

— Кто же все-таки будет играть ее? — в который раз спрашивал руководитель класса, пытаясь вглядываясь в лица школьников.

Одни смущенно опускали глаза, другие старались глядеть в окна, будто не слышали вопроса, и даже самая бойкая Фатима пыталась как можно ниже склонить голову, словно опасаясь, что именно на нее обратит свое внимание учитель. По ходу пьесы местного автора девушку Хуж должны были схватить и, укутав буркой, увезти, украсть, как того требовал адат...

Понятно было, почему девочки не хотели играть эту роль, тем более в сельском клубе, перед своими одноклассниками. Тогда ведь ни один парень не захочет гулять с такой «артисткой», не говоря уже о том, чтобы жениться... А родители? Да они до порога не допустят дочь, которая опозорит их! Классный руководитель безнадежно считал уже, что пьесу поставить не удастся, когда из-за парты поднялась хрупкая черноглазая девочка и решительно заявила: — Я буду играть Хуж!

Класс испуганно повернулся в ее сторону, и в глазах многих можно было прочесть: «Бедная Куна, те-

перь весь ваш род Дышековых закроет тебя...».

Несколько месяцев драмкружок репетировал пьесу в том памятном тридцать четвертом году. Каждый старался как можно лучше заучить свою роль, выразительней исполнить ее. Но больше всех переживала маленькая Куна Дышекова. Она так «вжилась» в роль, настолько зримо представляла себе несчастную Хуж, что однажды, несмотря на то, что держала втайне свое участие в драмкружке, непроизвольно проговорила... Ночью Куна приснилось, что какие-то незнакомые люди, схватив ее, укутали в бурку и понесли...

— Мамочка! Мам! — закричала во сне Куна. — Спасите, меня похищают!..

Перепуганные отец с матерью разбудили дочь, дознались, в чем дело... Поняв, что теперь уже поздно отговаривать ее от участия в спектакле, еще нестарая Бабыха махнула рукой на увлечение Куны, тем более, что знала, такой — не по летам — упорной, настойчивой была она. Не стал спорить и отец.

Однако иначе посмотрела на это дело бабушка... На другой же день после спектакля, услышав от соседки рассказ о нем и перепугав все, бабушка решила, что это произошло на самом деле в селении и спозаранок вбежала в комнату, где спал ее сын.

— Ты отец Куны или нет? — запыхавшись, кинулась она. — Лежишь и горю тебе мало?

— Да что произошло?

— А то, что этой ночью Куну пытались украсть, но — слава аллаху! — соседские ребята сумели отбить ее.

Хотя разговор этот закончился обидным для бабушки смехом, но уверенность ее, что внучка все равно опозорит род Дышековых, получила новое подтверждение после того, как Куна закончила семилетку. Все чегемцы давно уже знали, что Куна играла в колхозном клубе как настоящая артистка, и когда в селение пришла из Нальчика разнарядка послать одну девушку в Пятигорск на курсы политпросвета б о т н и к о в, председатель сельсовета сразу решил командировать Куну Дышекову.

— Скажите, а я буду артисткой после окончания курсов? — высказала заветную мечту свою Куна.

— Конечно, — улыбнулся председатель. — И других будешь обучать...

Казалось, что сбывается заветная мечта Куны. Но при первом же разговоре родители вспомнили бабушку: как она скажет, так и будет. Старая же Хадух и слышать не хотела о том, чтобы внучка уехала в далекий

Пятигорск. В разгар спора вошел гость — дальний родственник Бекмурза Пачев. Уже в те годы народный поэт Кабардино-Балкарии пользовался большим авторитетом и слава о нем гремела не только на равнинах Кабарды, но и в ущельях Балкарии.

Узнав, о чем спор, он решительно стал на сторону Куны.

— Девочка хочет талантом своим народу служить, партии помогать, а вы мешаете, — укоризненно покачал он седой головой.

И обратился к бабушке, главной противнице Куны:

— Если мы росли во мраке невежества, то пусть хоть дети наши увидят солнце новой жизни...

Но долго еще упорствовала бабушка, до позднего вечера желтел свет в окнах дома Дышековых, пока почетный гость, убедив, наконец, старую Хадух, не ушел, провожаемый всем растроганным семейством.

И начались для молоденькой Куны напряженные дни учебы в незнакомом Пятигорске. Только тут она окончательно убедилась, что без сцены для нее нет настоящей жизни. И хотя курсанты ставили одноактные пьесы, рассчитанные на сельского зрителя, все равно к каждой роли своей, пусть даже небольшой, Куна относилась с такой серьезностью, играла так вдохновенно, будто выступала в главных ролях шекспировских трагедий.

После одного такого спектакля, на котором присутствовало много приглашенных гостей, любителей театрального искусства, взволнованная Куна сидела перед зеркалом в костюмерной, когда вошел смуглолицый мужчина в каракулевой шапке и спросил по-кабардински:

— Это вы Дышекова?

От неожиданности Куна выронила расческу. Кто этот человек, говорящий здесь, в русском Пятигорске, на родном ее языке? Что-то знакомое было во всем облике, одежде вошедшего, будто где-то мельком видела его. А может быть, это только показалось ей!..

— Да, я Дышекова, — с трудом выдавила Куна. — А что?

— Хотел познакомиться с вами, — добродушно улыбаясь, ответил он. — Моя фамилия Калмыков, а зовут Беталом.

Как же сразу не признала она секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии! От смущения Куна покраснела, а Калмыков, делая вид, что не замечает ее растерянности, потечески ласково продолжал:

— Мне понравилось, как вы искренне играли свою роль. Уверен, из вас выйдет настоящая актриса...

— Неужели?

— Несомненно... Надо только настойчиво трудиться, если даже будут неудачи... С работой в клубе, библиотеке может справиться любая, а вот для сцены нужен талант... Хотите, направлю вас в театральную студию, а сюда пришлем другую девушку? Согласны?

— Конечно... Конечно!

— Вот и договорились. Считайте, что это вам задание областной партийной организации, — улыбнулся перед уходом Калмыков.

Стоя перед зеркалом, Куна удивлялась тому, что почти те же самые слова слышала когда-то от Бекмурзы Пачева. Ведь он тоже говорил, что своим талантом должна помогать партии... Выходит, это очень серьезное, нужное народу дело — играть в театре...

Многому научилась за два года в Кабардино-Балкарской театральной студии Куна. Перед ней раскрывались «секреты» мастерства знаменитых актеров. Стремясь как можно больше расширить свой эстетический кругозор, она никогда не ограничивала себя рамками одних лишь учебников. Обо всем непонятном спрашивала старших товарищей, не стесняясь обнаружить недостаток своих знаний, обращалась за дополнительной консультацией к преподавателям.

И все-таки первая роль в пьесе «Мажид и Марят» М. Тубаева, после окончания студии сыгранная Куней в Кабардино-Балкарском госдрамтеатре, не удалась. Зрители остались равнодушными к страданиям юной Марят — Дышековой, отданной за калым старому богачу Абаеву; не пробудилась в них и ненависть к адату, погубившему жизнь обоих молодых влюбленных.

Потрясенная своим провалом, сидела Куна одиноко в гримировочной после спектакля. «Неужели у меня нет таланта? — думала упавшая духом дебютантка. — Вот и вышло, что ошиблись во мне и Бетал Калмыков, и Бекмурза Пачев, и я не оправдала их надежд... Что же делать теперь?..»

Ей представились на миг костюмерная в Пятигорском драмтеатре два года тому назад, Бетал Калмыков, доброжелательно глядящий на нее, молоденькую слушательницу курсов политпросветработников, и с новой силой в ушах зазвучали его слова: «Надо настойчиво трудиться, если даже будут неудачи...».

Вот и пришла первая неудача. Неужели она, настойчивая Куна, бесильно опустит руки перед ней? Сдается? Уйдет со сцены, не выдержав первых испытаний? Нет, она должна найти в себе силы, чтобы выполнить задание — убедительной игрой своей бороться с ненавистным адатом, который принижает горянку, лишает ее человеческих прав. Она заставит плакать. Да, да, плакать своих зрителей, поднимет в них гнев против всего старого, отжившего, что мешает еще строить новую жизнь.

И снова продолжает Дышекова упорно овладевать мастерством настоящей актрисы, вдумчиво, творчески изучает труды Станиславского, Немировича-Данченко, учится у ведущих актеров страны. Так постепенно, день ото дня радости ее героинь становятся ее радостями, их печаль — ее горем. Так упорно овладевает она искусством перевоплощения...

Но прошло еще несколько лет, праяще чем Дышекова одержала настоящую первую победу и в той же роли Марят. После окончания выездного спектакля в одном из селений Малой Кабарды, когда переполненный зал клуба все еще гремел от аплодисментов, а многие женщины кон-

чиками платков утирали слезы, к Дышековой за сцену прошла старушка, прильнула к ее груди и сквозь слезы сказала:

— Спасибо тебе, дочка, показала мне мою погубленную молодость... Знаю я теперь, как надо относиться к невесткам своим...

С той поры точно крылья выросли за плечами у Дышековой — она почувствовала уверенность в своих силах, узнала радость творческого труда. За четверть века игры на сцене кабардинской труппы республиканского театра Куна Дышекова исполнила около ста ролей, разных по своей сложности, глубине, психологическому складу, создав целую галерею образов из произведений местных авторов, а также русской, советской, зарубежной и классической драматургии.

Глубоко раскрыла Дышекова образы Агафьи Тихоновны в комедии Голая «Женитьба», Зазы — в пьесе Шхагапсоева «Семья Тамаша», тети — в комедии Гольдони «Самодуры» и другие. Часто мы видим ее в роли героини, острых своим умом, волевых и сильных, иногда в роли женщины, с душой, наполненной нежным теплом... И каждый образ, создаваемый ею, своеобразен, для каждого она находит свои краски, свои жесты, свой подход к раскрытию его.

Может потому, что сама она мать, Куна Дышекова любит чаще всего играть материнские роли, и, надо сказать, что они блестяще удаются ей. Но это не значит, что хуже исполняет она, скажем, молоденьких невест. В том-то и состоит мастерство, искусство перевоплощения Дышековой, что она одинаково сильна в любых ролях. И все-таки ее любимый образ, с особым проникновением раскрываемый артисткой, — это Дися, старая мать Джаримеса из пьесы «Даханаго» Залимхана Аксирова. Игра Куны Дышековой в этой роли была заслуженно отмечена в центральных газетах в 1957 году, когда проходила в Москве декада литературы и искусства нашей республики.

Дышекову знают не только как хорошую артистку, но и активную общественницу. Часто выезжает она в районы республики, чтобы на местах оказывать помощь работникам клубов, домов культуры в организации художественной самодеятельности и постановке одноактных пьес. И вместе с тем она уделяет много времени и внимания воспитанию своих пятерых детей. С малых лет Дышекова прививает им любовь к труду, учит понимать и ценить искусство. Не удивительно, что ее дочь — семиклассница Рая — уже сыграла в трех пьесах и в кинофильме «Лавина с гор».

Еще в 1942 году Владимир Иванович Немирович-Данченко, просмотрев в Нальчике несколько спектаклей Кабардино-Балкарского госдрамтеатра, обратил внимание на талант молодой актрисы.

— Да, в советском искусстве у Дышековой — настоящий паспорт, — сказал он тогда.

И можно добавить теперь, что народная артистка Российской Федерации Куна Дышекова не только владеет этим замечательным паспортом, но и умеет его предъявить.

П. ТАЖЕВ.

Куна Дышекова в роли Инессы — героини пьесы Лопе де Вега «Дама-невидимка».